

УДК 811.511.131'27

*Л.Л. Карпова***МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
НИЖНЕЧЕПЕЦКОГО ДИАЛЕКТА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

Осуществляется анализ морфологических особенностей имени существительного нижнечепецкого диалекта, входящего в северное наречие удмуртского языка. Особое внимание уделяется описанию специфических черт, отличающих исследуемый диалект от других говоров севернoudмуртского ареала. Рассматриваются особенности в образовании форм множественного числа, в частности, в использовании маркеров *-ос* и *-йос*, употребление которых не представляет единства в говорах нижнечепецкого диалекта. Достаточно подробно освещаются специфические явления в системе словоизменения имени существительного. Выявляются особенности в количественном составе падежей. Проводится анализ функционирования серии вторичных местных падежей с показателем *-н'*. Отмечаются специфические явления во внешнем оформлении и семантике употребления отдельных падежей. Проводится последовательное сравнение языковых фактов нижнечепецких говоров с аналогичными явлениями северных диалектов и других удмуртских говоров. Приведенные данные показывают, что по ведущим особенностям субстантивного словоизменения нижнечепецкий диалект проявляет наибольшее сходство со среднечепецкими говорами севернoudмуртского наречия.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектная морфология, северные диалекты, нижнечепецкий диалект, имя существительное, множественное число, словоизменительная парадигма.

В последние десятилетия в удмуртской диалектологии проведена значительная работа по изучению севернoudмуртских диалектов. Тем не менее, многие говоры, входящие в состав северного языкового ареала, не получили еще детального и системного описания. Из трех диалектов (верхнечепецкий, среднечепецкий, нижнечепецкий), выделяемых в системе северного наречия, наиболее исследованным является среднечепецкий, своеобразие которого отражено в трех монографиях автора [15; 16; 18]. До настоящего времени в научной литературе не нашли достаточного освещения нижнечепецкие говоры. Носителями указанных говоров являются удмурты, проживающие отдельными островками в массе русских селений в Слободском, Зуевском, Унинском, Фаленском и Богородском районах Кировской области. Нижнечепецкие говоры исследованы довольно эпизодически и в различной степени. Некоторые сведения по языку нижнечепецких удмуртов представлены в работах финского ученого Ю. Вихманна [37. С. 166; 39]. Образцы речи по д. Нижнее Мочагино Слободского района содержатся в книге Б. Мункачи «*Volksbrauche und Volksdichtung der Wotjaken*» [36. С. 128-129, 532, 598-599] в виде записей от военнопленного Дмитрия Балтачева. Следует отметить, что слободской диалект впервые был выделен этим исследователем (до этого в научной литературе он не фигурировал). Весьма значительный материал по нижнечепецким говорам представлен в работе Т.И. Тепляшиной «Нижнечепецкие говоры севернoudмуртского наречия» [32. С. 156-196]. На основе анализа языкового материала автор приходит к выводу, что указанные говоры, имея своеобразную систему диалектных отличий, по своим наиболее характерным особенностям входят в группу севернoudмуртских диалектов. Некоторые данные, касающиеся частично лексических, морфологических и фонетических особенностей слободского говора нижнечепецкого диалекта, нашли отражение в работах А.А. Архипова [1. С. 84-92; 2. С. 162-168; 3. С. 3-13] и Н.М. Люкиной [24. С. 152-154].

В пределах нижнечепецкого диалекта выделяются две группы говоров: слободской и косинский (далее – сл., кос. соответственно) [32. С. 157-158]. Носители слободского говора ныне живут в 11 населенных пунктах Слободского района¹: дд. Светозарево (*гырдор*²), Пески (*пэски*), Красногорье (*чала*), Бурино (*с'ура*), Нижнее Мочагино (*понул*), Верхнее Мочагино (*кунды*), Омсино (*чаб'яа*), Паскино (*поска*), Подгорная (*подго:рной*), Сизёво (*бигра*) и с. Круглово (*с'эло*). Косинская группа удмуртов, по нашим последним данным, компактно проживает примерно в 10 населенных пунктах следующих районов: Зуевский район – дд. Березник (*кийонгурт* ~ *кыйонгурт*), Городище (*поркар*), Поля (*удэга*), Слудка (*урморт горд'д'ар* ~ *горд'д'ар*), Унинский район – дд. Астрахань (*астаркан*), Сибирь (*пэч-*

¹Согласно данным Т.И. Тепляшиной [32. С. 156-157], в 60-е годы прошлого века в Слободском районе насчитывалось 27 удмуртских населенных пунктов. В настоящее время многие из них прекратили свое существование.

²В скобках даются удмуртские названия населенных пунктов.

кэз'), Фаленский район – дд. Баженово (*бажгурт*), Полом, Богородский район – деревни Караул (*ыктым*), Павловка (*павловка*). В последнее десятилетие отмечен отток удмуртского населения из ряда малочисленных деревень в близлежащие к ним населенные пункты и административные центры (поселок Октябрьский, село Мухино Зуевского района, село Уни Унинского района). В начале 70-х годов прошлого века в связи с программой ликвидации «неперспективных» деревень удмурты из населенных пунктов Будино, Зямино, Малый Амур, Большой Амур, Тойдой, Кобляки, Алексеево, Давыдово, Новый Погост, Малое Будино, Мураши (ныне этих деревень нет) Слободского района переселились в дд. Светозарево, Пески, село Карино этого же района. В тот же период началось переселение удмуртов из деревень Петровка, Чугай, Дунай (ныне этих деревень нет) Унинского района в соседние населенные пункты Сибирь, Астрахань этого же района. По нашим приблизительным подсчетам, в настоящее время на территории распространения нижнечепецкого диалекта насчитывается примерно 800 удмуртов (исключая группу удмуртов-калмезов¹), из которых меньше половины владеет удмуртским языком.

По своим наиболее характерным фонетико-морфологическим чертам между собой слободской и косинский говоры близки. Одновременно следует отметить и некоторую неоднородность говоров, возникшую, на наш взгляд, в процессе формирования указанных двух локальных групп. По мнению исследователей, косинские удмурты-ватка представляют собой локальную группу слободских удмуртов, переселившихся с Вятки, из-под Слободского. Опираясь на материалы переписных документов, М.Г. Атаманов отмечает, что эта группа начала формироваться с конца XVII века. Существование удмуртских поселений по р. Косе, то есть на территории современных Унинского, Зуевского, Фаленского, Богородского районов Кировской области, зафиксировано и в переписных материалах за 1678 г. [4. С. 67]. Территориальная оторванность привела к ослаблению культурных и экономических связей между слободскими и косинскими удмуртами и способствовала также выработке отдельных особенностей в их языках. Кроме этого, формирование носителей косинского говора в течение ряда веков шло в соседстве с другой группой удмуртов – с калмезами. До настоящего времени удмурты-ватка и удмурты-калмезы Унинского района имеют четкое представление о своей принадлежности к определенной общности. Несомненно, тесные социально-культурные контакты между этими двумя группами удмуртов в пределах одной территории, общая географическая среда привели к взаимовлиянию их языков и выработке специфических черт.

Данное исследование посвящено анализу морфологических особенностей имен существительных нижнечепецкого диалекта. Как было отмечено выше, в пределах севернoudмуртского наречия, помимо нижнечепецкого (далее в примерах – нч.), выделяется еще два других диалекта: верхнечепецкий и среднечепецкий (далее в примерах – вч., сч. соответственно). Поэтому в целях установления общности и специфики исследуемого диалекта в севернoudмуртском диалектном ареале фактический материал анализируется в сравнении с другими северными диалектами.

Грамматический строй удмуртских диалектов, в отличие от фонетической системы, характеризуется относительным единством. В морфологии это единство проявляется, прежде всего, в том, что всем говорам свойственны одни и те же части речи, которые характеризуются в основном одними и теми же категориями. Различия большей частью касаются организации плана выражения одних и тех же грамматических форм или целых парадигм, самой системы противопоставления друг другу грамматических форм слова (различия в составе парадигм), а также семантики различных грамматических категорий и форм. Рассмотрим особенности, которые обнаруживаются в морфологической системе имени существительного нижнечепецкого диалекта.

1. Категория числа

1.1. *Образование множественного числа.* В нижнечепецких говорах, как и вообще в удмуртском языке, имена существительные имеют два числа: единственное и множественное. Единственное число не имеет грамматического показателя. Множественное число маркируется показателями *-ос* или *-йос*, употребление которых не представляет единства в говорах исследуемого диалекта. В слободском гово-

¹В Унинском районе в соседстве с удмуртами-ватка проживает другая группа удмуртов – калмезы. Как свидетельствуют наши полевые данные, их язык намного отличается от языка удмуртов-ватка и по своим ведущим особенностям составляет отдельную диалектную группу. В удмуртской диалектологии этот говор именуется «сурвайско-поломским» и представляет собой один из говоров средне-западного диалекта (срединные говоры).

ре алломорф *-ос* обычно присоединяется к основе на гласный, а вариант *-йос* – к основе на финальный согласный: *корка* ‘дом’ – *коркаос* ‘дома’, *писпу* ‘дерево’ – *писпуос* ‘деревья’, *н’ук* ‘овраг’ – *н’укйос* ‘овраги’, *уж* ‘дело’ – *ужйос* ‘дела’ и т. д. В косинском говоре аффикс *-йос* очень часто наблюдается и в словах с исходом на гласный: *папа* ‘птица’ – *папайос* ‘птицы’, *тага* ‘баран’ – *тагайос* ‘бараны’, *бакча* ‘огород’ – *бакчайос* ‘огороды’. Примеры-предложения: слоб. *куноос лыкто н’и пинал пыртонэ*. НМоч. ‘*Гости* приходят уже на крестины ребенка’; кос. *мон тотско на, д’эрэвн’айын к’уалайос вал шуса*. Сиб. ‘Я помню еще, что в деревне *куала* были’; кос. *р’однаос но кал’ ог-огзылы уг йурто н’и*. Ас. ‘И **родственники** сейчас друг другу уже не помогают’. В данном случае употребление в косинском говоре “консонантного” алломорфа *-йос* с основами на финальный гласный представляет собой сохранение более ранней формы суффикса множественного числа *-йос*, который в результате ослабления позиции *й* в интервокальном положении преобразился в *-ос*. Из северноудмуртских диалектов это явление имеет место в соседнем среднечепецком диалекте [15. С. 82; 16. С. 58-59; 18. С. 39]. В различной степени оно встречается в настоящее время также в южноудмуртских [20. С. 116] и средне-восточных [6. С. 205] говорах.

1.2. В нижнечепецких говорах наблюдается ассимиляция согласного *й* суффикса множественного числа предшествующими согласными *н, н’, л, л’, д, д’, т, т’, с’, з’*: *пукон’н’ос* (< *пуконйос*) ‘ступля’, *ныл’л’ос* (< *нылйос*) ‘девочки, девушки’, *пыд’д’ос* (< *пыдйос*) ‘ноги’, *полат’т’ос* (< *полат’йос*) ‘полати’ и др. Примеры-предложения: *вит’тон дорэ набра-тса кариэ вал вал’л’ос колхозамы*. Сиб. ‘Около пятидесяти насчитывалось (‘набиралось’) **лошадей** в колхозе’; *уал’л’о лачак вал тат’ удморт гурт’т’ос*. Ас. ‘Раньше много было здесь удмуртских **деревень**’; *гид’д’оссы соослэн далай пуктэмын, сапрало н’и кал’*. Ок. ‘**Фермы** у них давно построены, разваливаются уже сейчас’. Данное явление имеет широкое распространение в среднечепецком диалекте, sporadически отмечается в кезском говоре верхнечепецкого диалекта [15. С. 75-76; 17. С. 102]. Ассимиляция *й* предшествующими согласными характерна также для средне-восточных говоров [6. С. 272], бесермянского наречия [33. С. 151], отдельных южных и периферийно-южных говоров, в частности бавлинского [29. С. 122-125], шошминского [31. С. 137], кукморского [20. С. 103-105] говоров. Уподобление *й* предшествующими мягкими согласными наблюдается и во многих коми-зырянских [23. С. 38, 39; 13. С. 44-45; 11. С. 38-39; 12. С. 23; 28. С. 28; 27. С. 79 и др.] и коми-пермяцких [5. С. 53] диалектах.

2. Категория падежа

1.1. С точки зрения *количественного состава словоизменительной парадигмы* нижнечепецкий диалект отличается тем, что имеет значительно большее количество падежных форм – 19 падежей (в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке 15 падежей). Увеличение числа падежей в диалекте связано с развитием серии вторичных приблизительно-местных падежей с *н’*-евым признаком, возникших в результате секрции послелогов с основой *дин’* – ‘у, около, при, возле’. Примеры-предложения: *в а л’ аосн’э пыроно тил’эд, соослэн пэпэс’сы л’э-кос бакортыс’*. Пес. ‘**В дом к Вале** вам нужно зайти, у них дедушка очень разговорчивый’; *кык муртин’э пырал’л’ам соос, н’энокинэз но дораз өвёл вылэм*. Ом. ‘В два дома (**к двум людям**) заходили они, никого не оказалось дома’; *б’орыс’ пумис’ким ми л’ и з айэн мумизн’ыс’эн, турын дас’то вал сойос*. Бер. ‘Потом встретились мы с Лизой **у ее матери**, сено заготавливали они’.

Формирование серии приблизительно-местных падежей характерно в основном для северноудмуртских диалектов, но не для всех. Ареал их распространения ограничивается нижнечепецкими говорами (слободской, косинский) [32. С. 167; 34. С. 285-286], среднечепецким диалектом и говорами северо-западной части Кезского района [26. С. 201; 17. С. 231-232]. В верхнечепецких говорах аналогичные падежные формы отсутствуют: им соответствуют конструкции с послелогами с основой *дин’* – ‘у, около, возле, при’ (*эшэ дин’э* ‘к своему другу’, *эшэ диныс’* ‘от своего друга’).

Дистрибуция новых падежей ограничена существительными и местоимениями со значением «лицо», в связи с чем они имеют узкую семантику, характеризующуюся выражением пространственно-посессивных отношений. Они обозначают не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-)либо и т. д., а «выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо и т. д.» [26. С. 194].

Относительно происхождения падежных форм с элементом *-н'* существуют разные мнения. К примеру, А.И. Емельянов [10. С. 123] предполагал, что формант *-н'* глазовского диалекта восходит к послелогу, образовавшемуся от имени существительного *ин* 'место' + падежное окончание. Мы придерживаемся точки зрения исследователей, объясняющих происхождение показателя *-н'* на базе послелогов с основой *дин'* - 'у, около, возле, при', которые, в свою очередь, сформировались от имени существительного *дин'* 'основание, комель; близость, околица' [38. С. 50, 135-136; 9. С. 236; 34. С. 287].

В нижнечепецком диалекте, как показывает анализ собранного языкового материала, *-н'*-евый признак в основном встречается в четырех падежах, чаще всего в инессиве и иллативе, реже – в элативе, эгрессиве. Что касается приблизительного пролатива и приблизительного терминатива, то примеров на их употребление в наших текстовых записях фольклорного и повествовательного характера не обнаружилось.

Неодинаковая частотность употребления, с одной стороны, приблизительного инессива и приблизительного иллатива соответственно с формантами *-н'*, *-н'ын*, и, с другой стороны, приблизительного элатива и приблизительного эгрессива соответственно с формантами *-н'ыс'*, *-н'ыс'эн*, по-видимому, обусловлена различием в частотности выражаемых ими отношений.

Нельзя оставить вне внимания и тот факт, что параллельно с падежными формами с элементом *-н'* в нижнечепецком диалекте, как и в среднечепецком, функционируют послеложные конструкции с послелогом с основой *дор-*, например: *фэришалка дорын ти кёли-ды-ўа?* Бер. 'У фельдшерицы вы ночевали?'; *окт'абэ вэтли мон пийэ доры к и р о вэ*. Пас. 'В октябре ездила я к сыну в Киров'.

Помимо северноудмуртских диалектов, приблизительно-местные падежи встречаются также в бесермянском наречии [33. С. 184]. Наличие локальных падежей с элементом *-н'*, образованных от послелогов с основой на *дын-* / *дин-*, отмечается и в коми-пермяцких диалектах [5. С. 138-140]. По мнению Р. Бейкера, процесс разрушения послелогов и вследствие этого образование новых падежных формантов с элементом *-н'*, имеющее место в северноудмуртских и южно-коми-пермяцких говорах, происходил в каждом из этих языков параллельно и независимо друг от друга [35. Р. 198]. Следовательно, развитие в удмуртских и коми пермяцких диалектах приблизительно-местных падежей из послелогов с основой удм. *дин'*-, кп. *дын-* / *дин* представляет собой позднее явление.

1.2. Определенные особенности нижнечепецкого диалекта обнаруживаются на уровне *фонетического оформления падежных маркеров*.

1.2.1. Пролатив имен существительных в указанном диалекте характеризуется функционированием фонетических вариантов *-т'и*, *-эт'и*, *-ыт'и*: *ул'чат'и*, *ул'чаэт'и*, *ул'чаыт'и* 'по улице', *коркат'и* 'по дому', *имыт'и* 'по небу'. Примеры-предложения: *ми сос'эдэным кос'акт'и гынэ вэрас'кис'ком*. Сиз. 'Мы с соседом **через окно** только переговариваемся'; *йаййаэт'и но мон вэтти*. Ас. 'И на лесозаготовку (**в лес**) я ходила'; *вэттэм с'урэсыт'и ик мыном кал'*. Сиб. 'Пойдем **по той же дороге**, где [раньше] ходили' [32. С. 193].

Для верхнечепецких говоров характерна тенденция к использованию форманта *-(э)ти*. В отличие от этого, в среднечепецком диалекте пролатив имеет следующие варианты показателя: *-(э)т'и*, *-(ы)т'и*, *-(ы)т'*, *-(э)т'*, *-ки*, употребление которых не представляет единства в говорах. В ярском и глазовском говорах обнаруживаются все варианты пролативного окончания: *-(э)т'и*, *-(ы)т'и*, *-(ы)т'*, *-(э)т'*, *-ки*, юкаменскому говору свойственно в основном функционирование вариантов *-(э)т'и*, *-(ы)т'и*.

Как показывают данные по северноудмуртским диалектам, в верхнечепецких говорах, в отличие от среднечепецких и нижнечепецких, не происходит палатализация согласного *т* суффикса пролатива. Пролативный маркер ярского и глазовского говоров *-(ы)т'* возник из формы на *-(ы)т'и* путем выпадения конечного гласного *и*. Вариант *-ки*, по мнению большинства исследователей, произошел от суффикса *-ти*, который в свою очередь образовался путем слияния **-t(-)* с пространственным значением и лативным *-i* (< **-j*) (см. об этом подробнее: [16. С. 65; 21. С. 196; 22. С. 93-99]).

В южных, периферийно-южных и срединных говорах пролативный показатель представлен вариантами *-(й)эти*, *-ти*, имеющими ареальный характер распространения.

1.2.2. В удмуртском диалектном континууме аккузативные формы множественного числа представлены двумя синонимичными показателями: *-ты* и *-ыз*. В нижнечепецком диалекте, как и в других северноудмуртских диалектах, морфологическим маркером данного падежа выступает суффикс *-ты*: *коркаосты* 'дома', *ул'чаосты* 'улицы'. Примеры-предложения: *напайубоосты ачимэс но ми картэным*

лэс'тылим. ВМоч. 'Улья и сами мы с мужем делали'; толалтэ ул'чаосты с'уз'з'ало татын, вэтто тракторйос. Мух. 'Зимой улицы расчищают здесь, ходят тракторы'; коркан поко-й'н'ик ўан' кэ, чоксало з'эркайюсты. Ас. 'Если в доме есть покойник, закрывают зеркала'. Указанный формант распространен также в бесермянском наречии и в срединных говорах. В отличие от этого, в южноудмуртских диалектах в качестве форманта указанного падежа функционирует суффикс -ыз. По мнению В.К. Кельмакова, оба показателя аккузатива множественного числа в удмуртском языке (-ты, -ыз) восходят к пражермскому периоду, на что указывает наличие их соответствий и в коми языке [20. С. 120].

1.3. Собранные материалы по нижнечепецкому диалекту позволяют говорить и о наличии семантических колебаний в дистрибуции отдельных падежных форм.

1.3.1. В слободском говоре имеют место отдельные случаи употребления форм эггессива в функции элатива, например: муми биз'эмын вал ч о л алас'эн. НМоч. 'Моя мама вышла замуж из [деревни] Круглово'; карыс'эн бас'ти мон самокод. Бур. 'В городе ('из города') купила я велосипед'; муми шурыс'эн ву тубыт'т'аз карнанэн. НМоч. 'Моя мама из речки воду носила ('поднимала') на коромысле'; с в э т о з а р э в оыс'эн лыктэ вал лафка сабантуйэ. Ом. 'Из Светозарево приезжала автолавка на Сабантуй'. Смещение данных падежных форм, по-видимому, объясняется близостью выражаемых ими значений. В отличие от элатива, который тоже обозначает место, откуда исходит действие, слово в эггессиве более конкретно указывает место, как бы выделяя его. Аналогичное явление наблюдается и в среднечепецком диалекте, где также имеют место отдельные случаи употребления форм эггессива в функции элатива [16. С. 63–64].

В нижнечепецких говорах форма -ыс'эн, по материалам Т.И. Тепляшиной, употребляется также на месте литературного инессива на -ын: та выис'ыкысен толон султим. 'Мы проснулись вчера в эту пору' (лит. та выин толон султим) [32. С. 168].

1.3.2. В нижнечепецких говорах некоторое различие наблюдается в области семантической нагрузки датива. В указанных говорах, как и в среднечепецком диалекте и кезском говоре верхнечепецкого диалекта [18. С. 42], для выражения цели, причины, мотива действия вместо датива южноудмуртских и некоторой части центральных говоров с показателем -лы употребляется сочетание существительного или другого имени в номинативе с послелогом понна 'за, для, ради', ср. например: нч., сч., кез. ву понна мъниз, южн. вулы мыниз 'за водой (она) пошла'. Примеры-предложения: вёс'ас'кон'н'ийэ рыжик понна вэтском. Бер. 'В лес, где раньше было мольбище, за рыжиками ходим'; н'ан' понна мыныс'ко лавкэ. Пес. 'За хлебом иду в магазин'.

В отличие от этого, в дебесском говоре верхнечепецкого диалекта для выражения объектно-целевого отношения, как правило, используется послелог дурэ: н'ан' дурэ мыниз 'за хлебом пошел'. В южноудмуртских говорах употребление форм датива на -лы в указанных значениях развилось, по мнению И.В. Тараканова [30. С. 180], под влиянием татарского языка.

3. Словообразование. Характерной особенностью нижнечепецкого диалекта является функционирование специфического словообразовательного суффикса -н'и, присоединяемого к отглагольным существительным на -(о)н и образующего новые существительные со значением места, объекта совершения действия: турнан 'процесс косябы' – турнан'н'и 'место косябы; место, где косят', пукон 'процесс сидения' – пукон'н'и 'место, где сидят', ужан 'процесс работы' – ужан'н'и 'место работы', шутэтскон 'процесс отдыха' – шутэтскон'н'и 'место отдыха; место, где отдыхают'. Примеры-предложения: вёс'ас'кон'н'имы вал кызйос пёлын. пэпэс'йос тодо на со мэстазэ. Свет. 'Место моления было среди елей. Дедушки еще помнят то место'; турнан'н'имы кд'окын вал. мл'эмэз оццы машина нуылиз. Сиб. 'Покос далеко находился. Нас туда на машине подвозили'.

По мнению некоторых исследователей [9. С. 235; 32. С. 168], суффикс -н'и восходит к самостоятельному слову инты 'место' и образовался от последнего в результате выпадения конечного слога -ты. Не отрицая полностью вероятность такого происхождения, мы считаем возможным возведение этого суффикса и к слову ин 'место': как полагает С.А. Максимов [25. С. 42], -н'и возник из ин- вследствие явления метатезы.

Помимо нижнечепецкого диалекта, указанный суффикс широко распространен в среднечепецком диалекте. В кезском говоре верхнечепецкого диалекта, наряду с формами на -н'и, в той же функции спорадически встречается также словообразовательный элемент -ти, идентичный по своему значению суффиксу -н'и: эмэз'анти 'место, где растет малина', ужанти 'место работы; место, где работают', вэтлонтти 'место, где ходят'. В отличие от этого, дебесскому говору верхнечепецкого диалекта

для выражения значения места совершения действия свойственным является использование только синтаксической конструкции – отглагольное существительное + слово *мэста* (< рус. *место*): *улон мэста* ‘место жительства’, *аран мэста* ‘место жатвы’.

Из других удмуртских диалектов употребление суффикса *-н’и* отмечается в бесермянском наречии [20. С. 126], в нескольких словах кукморского диалекта [19. С. 26], в форме *-ни* в некоторых говорах средневосточного диалекта [7. С. 61-62]. Словообразовательный элемент *-ти* широко представлен в средневосточных и прикильмезских говорах [7. С. 61-2; 14. С. 106].

В остальных удмуртских диалектах для выражения места совершения действия используется синтаксическая конструкция – отглагольное существительное на *-(о)н* + послелог *инты* или *мэста* ‘место’.

Таковы вкратце некоторые отличительные явления в морфологии имени существительного нижнечепецкого диалекта. Анализ материала позволяет заключить, что существительное в исследуемом диалекте имеет ряд специфических признаков в сравнении с другими диалектами севернoudмуртского ареала. В частности, эти особенности проявляются в образовании множественного числа, в количественном составе словоизменительной парадигмы, в фонетическом оформлении падежных маркеров, в семантическом наполнении отдельных членов парадигматического ряда, также в словообразовании. Полученные в ходе исследования результаты показывают, что из севернoudмуртских диалектов нижнечепецкие говоры больше сходятся с среднечепецким диалектом. Наличие в нижнечепецких и среднечепецких говорах тех общих черт, которые не находят отражения в верхнечепецких говорах, в определенной степени обусловлено историческими причинами: среднечепецкие и нижнечепецкие удмурты имели между собой более длительные контакты по сравнению с верхнечепецкими удмуртами. Общность некоторых явлений может быть также вызвана взаимовлиянием этих диалектов в результате миграции их носителей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) языки и удмуртские диалекты: вч. – верхнечепецкий диалект (верхнечепецкие говоры) северного наречия, кез. – кезский говор верхнечепецкого диалекта, кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта, кп. – коми-пермяцкий язык, удм. – удмуртский литературный язык, нч. – нижнечепецкий диалект (нижнечепецкие говоры) северного наречия, сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта, сч. – среднечепецкий диалект (среднечепецкие говоры) северного наречия, южн. – южное наречие;

б) населенные пункты:

слободской говор: Бур. – д. Бурино, ВМоч. – д. Верхнее Мочагино, НМоч. – д. Нижнее Мочагино, Ом. – д. Омсино, Пас. – д. Паскино, Пес. – д. Пески, Свет. – д. Светозарево, Сиз. – д. Сизево;

унинский говор: Ас. – д. Астрахань, Бер. – д. Березник, Мух. – с. Мухино, Ок. – пос. Октябрьский, Сиб. – д. Сибирь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипов Г.А. К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 84-92.
2. Архипов Г.А. О формах субъективной оценки личных имен в говоре слободских удмуртов // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 162-168.
3. Архипов Г.А. Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. Ижевск, 1990. С. 3-13.
4. Атаманов М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
5. Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
6. Бушмакин С.К. Ассимиляция в средневосточных говорах удмуртского языка // СФУ. 1968. № 4 (IV). С. 269-283.
7. Бушмакин С.К. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // СФУ. 1969. № 1 (V). С. 59-69.
8. Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 397 + [Приложение] 350 с.
9. Вахрушев В.М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. С. 228-241.
10. Емельянов А.И. Грамматика вотяцкого языка. Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. 160 с.
11. Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.
12. Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 271 с.
13. Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971. 276 с.

14. Загуляева Б.Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров // *Fenno-Ugristica*. Труды по финно-угроведению. Tartu, 1980. Вып. 6. С. 103-109.
15. Карпова Л.[Л.] Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.
16. Карпова Л.Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
17. Карпова Л.Л. Кезские говоры в системе северноудмуртских диалектов // *Динамика структур финно-угорских языков*. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2011. С. 97-106.
18. Карпова Л.Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
19. Кельмаков В.К. Вопросы словообразования имен существительных в кукморском диалекте удмуртского языка. СФУ. 1971. № 1 (VII). С. 19-28.
20. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
21. Кондратьева Н.В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. 256 с.
22. Кондратьева Н.В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011а. 154 с.
23. Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.
24. Люкина Н.М. Некоторые особенности говора слободских удмуртов // *Актуальные проблемы изучения литературы и языка в вузе и школе: Четвертые Татаринцевские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф.* Глазов, 2008. С. 152-154.
25. Максимов С.А. К вопросу о суффиксе *-ни* в удмуртском языке // *История и культура финно-угорских народов: Материалы международной студенческой научно-практической конференции*. Глазов, 1998. С. 40-45.
26. Максимов С.А. О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке // *Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвузовский сб. научных трудов*. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. Ч. 2: Языкознание. Фольклор и краеведение. С. 193-208.
27. Попова Р.П., Сажина С.А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.
28. Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978. 228 с.
29. Тараканов И.В. Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (На материале бавлинского диалекта) // *Труды*. Таллинн: Эст. гос. изд-во, 1960. Т. 8. С. 117-153.
30. Тараканов И.В. Основное направление развития морфологической системы пермских языков // *Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов*. М.: Наука, 1990. Т. 2: Языкознание. С. 180-182.
31. Тепляшина Т.И. Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка // *Труды / Мар. НИИ яз., лит., истории*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. Вып. 15: Вопросы языка, литературы и фольклора. С. 125-139.
32. Тепляшина Т.И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // *Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР*. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156-196.
33. Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.
34. Тепляшина Т.И. О новых удмуртских падежах // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Turku 20.-27. VIII. 1980. Turku, 1981. Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. С. 285-292.
35. Baker R. The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985. 266 p.
36. Munkacsı B. Volksbrauche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D. R. Fuchs. Helsinki, 1952. XXXVII + 715 S.
37. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben (= JSFOu 11). Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S.
38. Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Anhang: Grammatikalischer abriß von D. R. Fuchs. Zweite, ergänzte Auflage. Helsinki, 1954. X + 167 S.
39. [Wichmann Y.] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjo Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (LSFU). XXIII + 421 S.

Поступила в редакцию 14.04.16

L.L. Karpova

MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE NOUN IN THE LOWER CHEPTSA DIALECT OF THE UDMURT LANGUAGE

The paper aims to analyze morphological features of the noun in the Lower Cheptsä dialect which is a part of the Northern Udmurt dialect. The author focuses on specific characteristics distinguishing the studied dialect from other Northern Udmurt subdialects and investigates the features of forming plurals, for example, the use of plural markers *-os* and *-jos* which are differently used in the Lower Cheptsä subdialects. The researcher also highlights specific phenomena

in the inflectional system of nouns, reveals some features in the number of cases, analyzes how some derivative locative cases with marker *-n'*- function, and focuses on specific phenomena in the form and meaning of some cases. Language phenomena of the Lower Cheptsá subdialects are compared with analogous phenomena of the Northern Udmurt dialects and other subdialects. The data presented show that according to the main features of noun inflection the Lower Cheptsá dialect bears closest similarities to the Middle Cheptsá subdialects of the Northern Udmurt dialect.

Keywords: Udmurt language, dialectal morphology, Northern dialects, Lower Cheptsá dialect, noun, plural, inflectional paradigm.

Карпова Людмила Леонидовна,
доктор философии по специальности «Уральские языки»,
старший научный сотрудник

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: karpovalud@rambler.ru

Karpova L.L.,
PhD in Uralic languages, Senior Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: karpovalud@rambler.ru